

*А. Гриськов,  
выпускник истфака 1978 г.*

## **ПОСЛАННИК КУЛЬТУРЫ И ДОБРА**

**(несколько слов об Ирине Владимировне Завьяловой)**

Удивительная штука - время. Оно, как гибкая клавиатура компьютера, позволяет одним только нажатием на воображаемые клавиши памяти извлекать отдельные буквы, собирать их в слова, а потом и в целые предложения. Так возникают воспоминания, появляются образы дорогих тебе людей, наших незабываемых университетских преподавателей, которые приложили столько усилий для того, чтобы у каждого из нас сложилась своя линия жизни, своя линия судьбы, своя биография. К числу таких моих любимых преподавателей, наставников жизни, неутомимых сеятелей добра, несомненно, принадлежит и Ирина Владимировна Завьялова.

Талантливый педагог, прекрасный преподаватель, удивительнейшая женщина, оставившая после себя в моей памяти целый шлейф самых светлых воспоминаний. Но если бы я при ее жизни, тем более в присутствии кого-либо из посторонних, осмелился произнести в её адрес нечто подобное, не сомневайтесь, тут же был бы прерван на полуслове и подвержен публичному осуждению. Славословий и пустозвонства она органически не переносила. Реакция на такие вещи у неё была достаточно жёсткая, мгновенная и незамедлительная.

Это был человек величайшей внутренней культуры, щедро отдававший всего себя, без остатка, делу воспитания молодых людей, будущих историков, гуманитариев, педагогов, общественных деятелей.

Мне посчастливилось учиться на историческом факультете в 70-е годы прошлого столетия (подумать только!). И я, как человек из глубинки, из далёкого от берега Чёрного моря Подолья, моей родной Хмельнитчины, входил в пору ранней юности со своим «мешком обезьян». А надобно отметить, что этот «мешок» часто наполнялся историями, которые весьма охотно преподносили нам старшекурсники, а ты (в силу отсутствия жизненного опыта) воспринимал эти рассказы, граничащие с легендами, искренне, всерьёз и надолго.

«Завьялова, - часто повторяли они, - это же «железная леди Тэтчер», холодный рационализм, никаких внешних проявлений эмоций, полное отсутствие сентиментальности, любых проявлений теплоты и искренности чувств и т.д., и т.п.» И вот с этим всем ты впервые оказываешься в аудитории, среди своих сокурсников, где после звонка появляется она - Ирина Владимировна Завьялова.

Но что удивительно, проходит всего несколько занятий, пока ты адаптируешься, пока настраиваются мозг и глаза на восприятие, и ты начинаешь просто физически ощущать, как этот айсберг, эта глыба льда начинает таять у тебя буквально на глазах, а пространство аудитории наполняется звуками её неповторимого голоса, и ты уже подвержен очарованию её своеобразной манеры изложения материала, способности креативного мышления и парадоксальности выводов. Более того, она умеет тонко и замечательно пошутить, а над удачной репликой кого-либо из твоих соседей по аудитории может разразиться безудержным, совершенно искренним и неподражаемым смехом.

Однако это ни в коей мере не умаляет ценности её интеллектуального труда, связанного с подачей материала, с авторской манерой изложения, с требовательностью и справедливостью оценки результатов работы её учеников. Всё продумано и рационально, как в игре в шахматы. Каждый владеет своими фигурами и играет строго по правилам. Более того, сама же И.В. Завьялова может их изменить по своему усмотрению в силу привходящих или сложившихся обстоятельств.

Приведу один пример. Со слов моей сокурсницы Акулины Федоренко (Тодоровой), одно время она проживала в студенческом общежитии с чешской студенткой Ярославой Червеной (а иностранные студенты были на истфаке тогда большой редкостью). Но случилось непредвиденное, накануне защиты курсовой работы Ярослава заболела, её свалила высокая температура, поразило обострение ангины. Голос сел, звонить на кафедру по телефону было уже бессмысленно. Защита курсовой оказалась под угрозой срыва, а сама ситуация, казалось, вышла из-под контроля.

По своей собственной инициативе Акулина Федоренко обратилась за помощью к Завьяловой. Ирина Владимировна только переспросила: «Вы отвечаете за свои слова?», и Федоренко ответила: «Да». Ирина Владимировна тотчас же согласилась перенести защиту. Вскоре ситуация со здоровьем нормализовалась, и курсовая работа была успешно защищена.

Мне думается, что в данном случае у И.В. Завьяловой это был не экспромт, а четкое делегирование своих полномочий и чувства ответственности за результат ранее проделанной работы. Просьба о помощи оказалась вовремя услышанной, а само доверие к словам обычной рядовой студентки сквозь годы оказалось, в понимании Акулины Федоренко, многократно выше полученной положительной оценки.

В целом, для освоения курса истории средних веков всем студентам приходилось много работать. Ирина Владимировна оказалась неистощимой на идеи, она подкупала новизной, умела увязать отдельные

события из далёкой истории Германии, Франции, Великобритании, Италии, Испании с современностью. Для самостоятельного изучения рекомендовала разнообразную литературу, часто ссылаясь на отдельные события и эпизоды, изложенные в тех или иных изданиях.

Скажу откровенно, не верьте общеупотребимым штампам, что «в Советском Союзе секса нет!», как раз наоборот. Именно после остроумных рекомендаций Ирины Владимировны многие из моих сокурсников зачитывались «Декамероном», любовными сонетами средневековых поэтов.

Только теперь понимаешь, как важно во все времена прививать молодёжи культуру взаимоотношений между мужчиной и женщиной, уделяя должное внимание воспитанию сексуальных чувств и отношений. Самое удивительное при этом, что Ирина Владимировна, которую студенты в обиходе любя называли «Бабушкой», могла легко управляться со столь щепетильной темой именно в молодёжной студенческой среде, не акцентируя внимание на отсутствии собственной семьи и личного женского счастья. Не следует также забывать, что все её потенциальные женихи встретили Великую Отечественную войну 30-летними и в подавляющем большинстве пали на полях сражений.

Мне запомнились и некоторые другие примеры, касающиеся нравственности в контексте истории, в неповторимом изложении Ирины Владимировны.

Взять хотя бы пример с чашей Хлодвига, описанный в хронике Григория Турского. После победы у Суассона среди захваченной добычи оказалась драгоценная церковная чаша, которую епископ просил ему вернуть. Хлодвиг сразу же согласился, но проблема заключалась в том, что захваченное подлежало разделу между всеми воинами. Король попробовал исключить чашу из этого раздела, попросив войско дать ее ему сверх положенной доли. Но среди воинов нашелся один убежденный защитник норм военной демократии, который разрубил чашу с мечом со словами: «Ты не получишь ничего сверх того, что тебе достанется по жребию». Хлодвигу оставалось лишь передать посланцу прелата обломки священного сосуда. Он умел владеть собой и понимал формальную правоту смельчака, но и забыть подобный вызов не мог. Когда через год ему довелось проводить очередной смотр своего войска, король придрался к якобы плохому состоянию оружия у этого воина и лично разрубил ему голову, сказав во всеуслышание: "Так поступил ты с чашей в Суассоне!" Это подействовало, короля стали бояться. Духовенство же быстро оценило «добрую волю» молодого монарха, и епископ письменно признал его власть в качестве администратора римской провинции.

Широкую известность приобрело физическое устранение Хлодвигом всех своих сородичей, как возможных соперников в борьбе за

власть. Кровавые распри в королевских семьях встречались у германцев, вообще говоря, издавна. Хлодвиг придал им небывалый масштаб, включив в арсенал средств своей внутривосточной борьбы коварство, вероломство, убийство.

Сколько потом, в реальной жизни, встречалось у каждого из нас подобных «хлодвигов», готовых к различным проявлениям нетерпимости, коварства и вероломства, но пример, прозвучавший в аудитории в педагогической практике Ирины Владимировны, сослужил добрую службу в жизни в освоении уроков нравственности на исторических примерах.

Мне было интересно работать под руководством Ирины Владимировны над темой «Гуманизм Эразма Роттердамского». За давностью лет многие детали ушли, но в памяти осталось её искреннее восхищение многогранностью талантов титанов эпохи Возрождения, стремление подогреть интерес студентов к освоению новых знаний. Причём это И.В. Завьялова делала исподволь, часто приводя примеры творческого подхода, а порой находок и даже открытий в самостоятельном научном поиске некоторых наиболее одарённых студентов старших курсов. Для меня лично чаще всего звучали имена Ольги Жебеленко (к сожалению, рано ушедшей от нас) и Ирины Немченко (старосты кружка по истории культуры эпохи Возрождения). С ними мне довелось лично познакомиться на заседаниях кружка, которым руководила Ирина Владимировна, а их выступления запомнились добротностью и глубиной изложения.

Мне трудно определить причины, по которым И.В. Завьялова со временем предложила мне возглавить этот научный студенческий кружок.

Поначалу я отказывался, ссылаясь на большие пробелы в знании иностранных языков и на наличие ярких и любознательных студентов из числа моих более талантливых сверстников. Но по каким-то причинам она настояла на своём, и я, с её лёгкой руки, получил первоначальный управленческий опыт в студенческой среде и не только...

Стоило хотя бы сослаться еще на один пример, изумительно описанный моим сокурсником, ныне профессором ОНУ им. И.И. Мечникова Г.П. Гребенником в его зарисовках по памяти «Мои главные уроки на истфаке» (декабрь 2009 г.). Он вспоминает о замечательной интеллектуальной дуэли между подлинным энциклопедистом, профессором П.О. Карышковским и доцентом В.С. Алексеевым-Поповым, состоявшейся в рамках заседания нашего кружка, по вопросу о вкладе в развитие европейской и мировой цивилизации Вольтера и Руссо. Каждый из маститых и уважаемых учёных с блеском представил свою интерпретацию взглядов вышеуказанных исторических личностей, о чём в деталях поведал

Г.П. Гребенник. И, казалось, что к этому уже нечего было добавить. Ан- нет ...

С моей точки зрения, автор упустил весьма существенную деталь, которую он мог и не знать, а я отчётливо помню. Именно Ирине Владимировне Завьяловой принадлежала сама идея пригласить корифеев истфака на заседание студенческого кружка. Мы, тогда совсем молодые люди, получили блистательный урок ведения научной дискуссии, нам удалось прикоснуться к творческому поиску исторической истины, посмотреть на нее глазами наших авторитетнейших современников, искренне порадоваться их удивительным открытиям и живому слову, прозвучавшему в весьма представительной аудитории тогдашних преподавателей и студентов поколения 70-х гг.

Сейчас, с позиций быстротечного времени, мне кажется, что это было не только интеллектуальное состязание, где каждый из учёных защищал свой сундук с историческими раритетами, а настоящая схватка за умы и сердца окружающих. А вдохновить их к публичной дискуссии с весьма непредсказуемым результатом могла только удивительная женщина, женщина с большой буквы, и имя её - Ирина Владимировна Завьялова.

По моему глубокому убеждению, в наши дни, когда границы познания окружающего нас мира существенно расширились, когда Интернет и возможность путешествий позволяют приобщиться к бесценным хранилищам библиотек и музеев, к величайшим сокровищам европейской цивилизации, мы должны с особой благодарностью вспоминать о тех, кто в условиях тогдашнего «железного занавеса» прививал нам общеевропейские ценности и был олицетворением живого, пытливого ума, потрясающего педагогического таланта, трудолюбия и высокой нравственности.

Словами великого поэта можно было бы сказать в адрес дорогой Ирины Владимировны: «Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса и вспомнил ваши взоры, ваши синие глаза». Думается, что незабываемые глаза Ирины Владимировны Завьяловой ещё долго будут согревать души и сердца тех, кто её лично знал и имел несравненное счастье у нее учиться.